

Визави

В советское время в Московской консерватории работало два корифея: Александр Борисович Гольденвейзер и Станислав Генрихович Нейгауз. Не утомляя читателя перечислением их учеников, скажу лишь, что моя собеседница посещала класс первого из названных великих профессоров. А когда Оксану Яблонскую не выпускали «туда» (ценный, стало быть, был кадр), в ее судьбу вмешалась еще одна мировая знаменитость — Леонард Бернштайн. По слухам, написал то ли Косыгину, то ли самому Топтыгину (то бишь Брежневу). Начав за океаном с нуля, за двадцать лет пианистка объездила весь свет, стала профессором Джульярдской музыкальной школы и членом жюри престижнейших конкурсов пианистов в Лидсе (Англия), имени Листа в Нидерландах, имени Прокофьева в Петербурге. Воистину «начать — не исчислить заслуг...»

— Оксана Михайловна, как считаете: вы выбрали музыку или она выбрала вас?

— Однажды, уже будучи в Америке, я пошла к астрологу, причем весьма серьезному. Он спросил о месте и времени рождения. А папа мне рассказывал, что я все не рождалась и не рождалась, а он названивал с работы в роддом. Однажды позвонил и бросил трубку: ждал сына. Помнит, значит, точное время моего рождения. Так вот, астролог сказал, что я и в другой жизни, а он, конечно, верит в нее, была музыкантом. «То, что вы музыкант здесь, всецело поглощены музыкой, вы принесли из другой жизни». Я всегда безумно мало занималась, все думали, что я пижону. Однажды я летела в Новосибирск и глазами выучила концерт одного болгарского композитора... Я училась в музыкальной школе-десятилетке при Московской консерватории. Со мной училось много одаренных детей: Максим Шостакович, Наташа Рожнова. Я играючи писала диктанты, но никто не принимал это за какие-то невероятные дарования. У меня все время в голове звучит музыка: то, что я играю, то, что учу, музыка моих учеников — нет секунды без музыки. Я еще ползала по полу, а уже пела. В наше время музыка: должны заниматься только те, кто не представляет себе другой про-

«Если плачу — значит, могу заниматься и музыкой»

веч. Москва. — 1998. — 17. февр. — с. 7.

Оксана Яблонская со студенткой Джульярдской музыкальной школы

фессии: будешь ли ты солистом, педагогом или переворачивать страницы нот.

— Был ли в вашей жизни успех, послуживший толчком в вашей карьере?

— В Париже, на конкурсе Маргариты Лонг, я получила Гран-при. С этого и началась моя концертная жизнь. Потом были конкурсы в Рио-де-Жанейро — первая премия и Бетховенский в Вене — вторая. Но «толчковым» был, конечно, конкурс в Париже.

— Когда вы составляете программу, думаете ли вы о контакте с аудиторией, то есть включаете популярные пьесы?

— Я была солисткой Московской филармонии, она устраивала такие тематические концерты: советская музыка, русская и тому подобное. Я должна была играть заданный репертуар. А вот когда однажды захотела сыграть концерт Сони Губайдулиной, мне играть его запретили. Основное требование было играть советскую музыку, хотя ничего плохого я в этом не вижу.

— Щедрин ведь тоже был советским композитором...

— Да, и, кстати говоря, я была первой исполнительницей его «Басса осинаты». Сейчас эта пьеса невероятно популярна, я играю ее почти в каждом концерте. Нельзя думать, что здесь я что хочу, то

играю. Собираясь на гастроли в Японию, хочу играть «Большую сонату» Чайковского. Мне говорят: «Очень длинно». Я представляю две-три программы, они выбирают. Устроители концертов знают, на что придет публика. Когда-то я играла в Иерусалиме Рахманинова. Это было ошибкой, потому что самый главный тамошний музыкальный критик ненавидит Рахманинова. Всегда можно сделать так, чтобы привлечь публику. Когда приходят уже на имя — тут хоть на голове стой. В Америке я играла в такой глухомани, где, мне казалось, и люди-то не живут. А приходили такие знатоки, каких и в центре Москвы или Нью-Йорка вы считаете по пальцам.

— Кого из современников вы считаете выдающимися пианистами и педагогами?

— Когда-то спросили Микеланджело: «Кто ваш кумир?». Он ответил: «Все умерли».

Я обожала Гилельса, это личная моя потеря, что он умер так рано. Я редко хожу на концерты, редко слушаю записи. Но когда слушаю «Песни Шуберта» в исполнении Софроницкого — плачу. Если еще могу плакать — значит, могу заниматься музыкой. Для того, чтобы так исполнять, надо оставаться чистым, верующим — при любой грязи, при любом строе. Человек до старости должен быть ребенком, восхищаться каждым закатом и рассветом. Иначе — невозможно. И потом: мы все живем в своем мире. Надо найти баланс, чтобы было удобно самому с собой.

— Что бы вы, Оксана Михайловна, спросили у Гилельса, будь вы журналистом?

— Не знаю, что бы я спросила, но я могу все о нем рассказать. Человек, который из обыкновенного еврейского мальчишки превратил себя в феноменального музыканта, знал языки, который себя воспитал, возвел до уровня той музыки, которую он играл! Бываю исполнителем: играют высокую музыку, а остаются подонками. Это другая часть человека, он ведь многолик, многогранен... Продолжу о Гилельсе. Какой он звук взлелеял! Мне жаль только, что он сам умер так рано, потом умерла дочь, осталась жена. Он был гражданином, хотя и был связан партбилетом. А как он шел: величавый, хоть был ростом мал, рябчат... А вообще самое главное

для меня на свете не музыка, а семья: сын, внуки. Вот такой неожиданный аккорд.

— Что, по-вашему, вы даете своим студентам как педагог?

— Обычно в Америке считалось, что музыкант преподает, если его карьера не удалась. Сейчас уже по-другому. В России же всегда было наоборот. Ученики должны научиться — не знаю, впрочем, можно ли этому научиться — энергии жизни. Надо все успевать, жить с полной отдачей. Что мне здесь мешает — это не очень хороший слух моих учеников. Я всегда все показываю. И когда это ловят, когда попадает на благодатную почву — это прекрасно. Я пытаюсь им объяснить, почему здесь так, а здесь так. Все связано. Они должны научиться ничего не пропускать! Прочитать текст — вот главное. Все подчинено музыке...

— Есть один инструмент, к которому у вас «двойное» неравнодушие — даже я, человек, в общем, далекий от музыки, слышал о прекрасном виолончелисте и дирижере Дмитрие Яблонском. Вы сразу обнаружили в сыне музыкальные способности?

— Ему было 10 месяцев, а он уже напел «чирик-пыхик». В доме были все инструменты, кроме виолончели. Однажды на даче взяла в руки какое-то коромысло, поставила его, как виолончель, и принялась петь концерт Сен-Санса: «Та-ри-та-та...» Спросила Диму: «Хочешь играть на виолончели?» — «Хочу». Так в доме появилась виолончель. Только потом я поняла, что с виолончелью трудно ездить, что это — дорогой инструмент. Но представься случай выбора снова, я снова бы выбрала виолончель.

— Ваш сын дирижер. Мне казалось, что дирижерами чаще становятся пианисты.

— Я-то думаю, что струнникам это больше с руки, потому что они знают все штрихи, все тонкости звучания оркестра. Кстати, я тоже ведь когда-то дирижировала оркестром.

— Дмитрий Яблонский организовал в Пучерде (Испания) музыкальный фестиваль. Оксана Яблонская приглашена на него?

— Да, и я надеюсь, не только как мама.

Андрей СОШНИКОВ
Нью-Йорк — Москва